

УДК 930(47)(075.8)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.: ВЛАСТЬ, УЧЁНЫЕ И ОБЩЕСТВО

С. Г. Басырова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

NATIONAL HISTORICAL SCIENCE IN THE SECOND HALF OF 1980S – EARLY 1990-S: POWER, SCIENTISTS AND SOCIETY

S. G. Basyrova

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
Bashkir State University,
Ufa, Bashkortostan Republic, Russia*

Summary. The lecture covers the main aspects of the relationship of the Soviet state, historical science and society in the second half of the 1980s – early 1990s. Studied the transformation of historical consciousness of Soviet society is influenced by socio-political transformation era of «perestroika» and the crisis of the Soviet historiography.

Keywords: power and historical science in the conditions of «perestroika»; historical journalism; crisis of the Soviet historiography.

Истоки современного периода развития отечественной исторической науки большинство исследователей связывают с процессом переосмысления прошлого, развернувшегося во второй половине 1980-х гг. в условиях «перестройки». Именно тогда концепция советской историографии перестала удовлетворять и власть, и общество, и самих историков. Начался болезненный процесс трансформации исторического сознания, теоретических и концептуальных поисков, отказа от устаревших догм и стереотипов.

Достаточно длительный период нового состояния исторической науки позволяет исследователям проследить основные вехи становления современной историографии в России. Наиболее распространённой точкой зрения является выделение двух *этапов* развития современной российской историографии (периодизация В. Д. Камынина, Е. Б. Заболотного):

¹ Лекционные материалы могут быть использованы при изучении дисциплин «Историография истории России», «История исторической науки», спецкурсов для студентов, обучающихся по специальности «История».

1) вторая половина 1980-х гг. (эпоха «перестройки»);

2) постперестроечный период, в котором явно различается состояние исторической науки в первой половине 1990-х и во второй половине 1990–2000-е гг. [3, с. 28].

А. Логунов в становлении российской историографии в первые пятнадцать лет выделил три переломные вехи. 1986–1987 гг.: начало радикальной критики самих оснований советской историографии; 1990–1991 гг.: вступление в «полосу глубокого, идентификационного по своей сути кризиса»; 1997–1998 гг.: «преодоление кризиса... и обретение российской исторической наукой нового качества» [6, с. 7]. Связывая с годами перестройки кризис советской историографии, большинство исследователей склонны в постперестроечный период различать кризисное состояние российской исторической науки (первая половина 1990-х гг.) и его преодоление (со второй половины 1990-х гг., либо с конца 1990-х гг.).

Важным дискуссионным аспектом рассматриваемого периода является

вопрос о *причинах* вступления отечественной исторической науки в новый период своего развития. Внешними по отношению к науке причинами перемен стали социально-политические процессы, развернувшиеся в стране под лозунгами «перестройки». На исторической науке, выполнявшей важные социальные функции, не могли не отразиться изменения политических отношений, раскрепощение общественного сознания, разрушение идейных стереотипов. Большинство исследователей признают, что профессиональные историки не были инициаторами этих изменений, они во многом оказались не готовы к лавинообразным политическим переменам конца 1980-х – начала 1990-х гг., стремительно разрушавшим основы советской историографии.

Не следует отрицать и нарастание внутренних предпосылок назревавших перемен в советской исторической науке. Методологические поиски советских историков в 1970–1980 гг. свидетельствуют о том, что марксизм в той догматизированной форме, в какой он выступал в качестве методологии советских исследований, изжил свои творческие потенции. Появлялись не известные широкому читателю новации в концептуальном осмыслении отечественной истории (например, работы А. Ахиезера, Л. Гумилёва). Однако внутринаучные предпосылки «не достигли ещё той критической массы, которая ведёт за собой «научную революцию» [7]. Поэтому можно утверждать, что в кризисе советской историографии первенствующую роль сыграли внешние причины, связанные с деятельностью власти и общественными процессами.

Власть и историческая наука в условиях перестройки. Система контроля науки со стороны государства была преодолена далеко не сразу, такую задачу первоначально не ставили ни учёные, ни власть. Провозглашённая на апрельском Пленуме ЦК КПСС (1985 г.) М. С. Горбачёвым концепция «ускорения социально-экономического развития» распространялась, прежде всего, на производственную сферу. После XXVII съезда КПСС (февраль 1986 г.) партийный лидер говорил уже о «перестройке» как глубоком процессе

реформирования не только экономических, но и социальных, политических отношений, изменений в культурной и духовной жизни общества.

Историческая наука и образование должны были сыграть важную роль в деле обновления социализма. В октябре 1986 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов развернулась критика сухих и невыразительных учебников, схематизма и догматизма в преподавании. Речь шла о необходимости усиления идеологического воздействия на молодёжь посредством преподавания общественных дисциплин. Для этого перед историками и обществоведами ставилась задача создания новых учебников, правда, как это обычно делалось в советское время, они должны были соответствовать идейно-политическому курсу партии [7]. Историки получили очередной заказ и должны были внести свою лепту в «перестройку», «перестроить» историческую науку и образование.

Важнейшим рычагом демократизации, повышения социальной активности пока ещё инертного населения, по мнению власти, должна была стать «гласность». Это понятие всё чаще употреблялось с середины 1986 г. и включало в себя расширение информированности, развёртывание критики существовавших проблем. Тем более, М. С. Горбачёв стал придавать реформированию политической системы СССР. На январском Пленуме ЦК КПСС (1987 г.) было заявлено о «механизме торможения», сложившемся в стране к середине 80-х гг. и сковывающем экономическое развитие. Понятие «гласности» в 1987 г. стали рассматривать как средство пробуждения масс, путь мобилизации сторонников перестройки. Началось обсуждение закрытых прежде тем, зародилась альтернативная пресса. Всё больший интерес вызывали различные аспекты советского прошлого. Определённый вектор отношения к нему был задан демонстрацией фильма Т. Абуладзе «Покаяние». Художественный образ советского прошлого в нём был тесно связан с ужасом кровавых бессмысленных репрессий.

Важнейшую роль в переосмыслении прошлого, приведшего к кризису советской историографии, сыграл доклад М. С. Горбачёва, прозвучавший в начале ноября 1987 г. на торжественном заседании, посвящённом 70-летию юбилею Октябрьской революции «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Этот доклад, ставший для историков руководством к действию, провозглашал обновлённую концепцию истории советского общества. Советская история предстала как путь достижений и побед советского народа, правда, не лишённый трудностей, противоречий, потерь [2]. Основой концепции стало признание правильности и неизбежности исторического пути к социализму. М. С. Горбачёв указал на творческий потенциал марксизма, подчеркнул необходимость возвращения к ленинской концепции социализма, которая была искажена Сталиным. В докладе М. С. Горбачёва прозвучала позитивная оценка Н. И. Бухарина, сторонника проведения новой экономической политики в конце 1920-х гг. Для этого были использованы характеристики, данные Н. И. Бухарину в последних работах Ленина. Хотя М. С. Горбачёв подчёркивал правильность курса на коллективизацию и ошибочность бухаринской точки зрения, этот факт послужил основой дальнейшей реабилитации Бухарина и превращению его фигуры в популярнейшую историческую личность в период «перестройки».

Новая картина истории строилась с опорой на штампы советской идеологии, но в ней появились новые оценки отдельных явлений, которые пробуждали огромный интерес к прошлому у общества и ставили новые задачи перед учёными. М. С. Горбачёв говорил об «административно-командной системе», созданной в ходе индустриализации и коллективизации и оказавшей влияние на политическое развитие советского общества, негативной роли Сталина, его ответственности за репрессии и беззакония. М. С. Горбачёв позитивно оценил осуждение культа личности на XX съезде КПСС и начало процесса реабилитации репрессированных, приостановленного в 60-е гг. Он призвал к его завершению, упомянув

о деятельности Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30-х – начала 50-х гг., созданной в сентябре 1987 г. Позитивную оценку получила деятельность Н. С. Хрущёва, в которой просматривались «попытки сломать утвердившиеся в 30–40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности». На Л. И. Брежнева возлагалась ответственность за приверженность старым формулам и схемам, усиливавшийся разрыв между словом и делом [2, с. 27–28].

Таким образом, власть вновь, как и в прежние времена, очертила контуры допустимой концепции советской истории. Именно такая концепция отвечала идеям перестройки данного этапа преобразований. В августе 1987 г. Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании десятитомного исследования «Великая Отечественная война советского народа», начале работы над «Историей гражданской войны в СССР», а также «Очерками истории КПСС». Роль руководителя и организатора этого процесса была возложена на Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, который в глазах учёных выступал главным хранителем партийных «ценностей». Власть, по сути, не меняла самого стиля отношений с исторической наукой.

Однако ситуация в стране была уже качественно иной. На протяжении первых лет перестройки в историческом научном сообществе, часть которого, так или иначе, была связана с партийно-политической элитой, вызревали противоречивые процессы. Подавляющее большинство историков довольно равнодушно наблюдали за действиями власти и, как обычно, ждали указаний партии. Однако были и те, кто стал активным сторонником «перестройки» и принялся за обновление исторической науки. Среди них, по свидетельству современников, был Ю. Афанасьев, который в 1986–1987 гг. «стал прочно выдвигаться на позицию крушителя основ партийности исторической науки» [4, с. 152]. Большой резонанс имели его критические статьи в СМИ

о состоянии советской историографии. Весной 1987 г. Ю. Афанасьев организовал публичные чтения «Социальная память человечества» в Московском государственном историко-архивном институте, ректором которого он стал в 1986 г. Чтения лекций пользовались популярностью и собирали широкую аудиторию, здесь ставились новые проблемы, выступали «забытые» учёные.

К историкам, занявшим активную общественную и исследовательскую позицию («линия Афанасьева»), относились П. Волобуев, В. Поликарпов, В. Данилов, А. Аврех и др. [4, с. 153]. Так, П. В. Волобуев выдвинул идею альтернативности исторического развития, которая стала единственной концептуальной идеей, способной объяснить деформации социализма в сталинскую эпоху. Это было сделано историком в работе «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность», вышедшей в свет в начале 1987 г. Таким образом, определённые новации вызревали в исторической науке ещё до доклада М. С. Горбачёва осенью 1987 г. и они, очевидно, были учтены властью при формировании контуров новой концепции.

Рассматривая реакцию исторического научного сообщества на начинавшиеся перемены в общественной и научной жизни, следует отметить и консервативную позицию некоторых историков. Г. З. Иоффе в своих воспоминаниях упоминает о «Письме 4-х» (Н. Мурашов, П. Соболев и др.), напечатанном в «Московских новостях» в мае 1987 г. Его авторы обвинили Ю. Афанасьева в «троцкизме». Однако прежние времена уходили в прошлое. «Линия Афанасьева» становилась всё более популярной. Правда, основная часть историков по-прежнему осторожничала, не поддерживала ни одну из сторон. Г. З. Иоффе вспоминает, что на его вопрос о том, чью линию выбрать, его шеф, академик И. И. Минц, ответил: «Я выбрал ЦК!» [4, с. 153].

Ноябрьский доклад М. С. Горбачёва дал историкам чёткие ориентиры: началось переосмысление прошлого. В течение 1988–1989 гг. вышли в свет сборники статей, в которых профессиональные историки в форме кратких

очерков разъясняли широкой читательской аудитории отдельные проблемы советской истории («Историки спорят» (М., 1988), «Историки отвечают на вопросы» (М., 1988), «Суровая драма народов: учёные и публицисты о природе сталинизма» (М., 1989) и др.). Указанные сборники имели широкий хронологический и тематический охват. Они внесли вклад в разрушение прежней концепции советской истории. В них раскрывались лишь отдельные аспекты наиболее актуальных проблем. Делалось это авторитетными историками, но ещё не на достаточно проработанной источниковой базе и, конечно, вне целостного концептуального осмысления советской истории.

Спущенная властью концепция советской истории очень быстро себя изжила в условиях развернувшейся общественно-политической борьбы конца 1980-х – начала 1990-х гг. Решающую роль в этом процессе сыграла не историческая наука, а историческая публицистика. Трактовки ключевых аспектов советской истории стали выходить за рамки, очерченные властью, и зависели от политических позиций авторов. «Власть не ощущала больше пульс времени...» [1, с. 66]. Намеченные обобщающие труды так и не были написаны, главным образом потому, что ни авторы, ни руководители проекта из аппарата ЦК партии не могли определиться с их концептуальным стержнем [4, с. 153]. Время бежало вперёд них. Историческая наука, в которой стали оформляться различные течения, созвучные общественным, начала дистанцироваться от партийного и государственного контроля. Система взаимоотношений власти и науки, выработанная в советской историографии, рушилась.

Историки и общество. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуется огромным интересом общества к истории. По словам перестроечного экономиста О. Лациса, произошёл «почти шизофренический сдвиг центра общественного внимания к проблемам нашего прошлого» [4, с. 151]. В обществе наблюдался азарт в изучении «белых пятен истории». Люди узнавали о неизвестных им исторических личностях, событиях, известные факты от-

крывались совершенно с другой стороны. Источниками новой информации становились телевидение, но в большей степени газеты и журналы. В познании «непредсказуемого прошлого» лидировала не научная историческая периодика, а общественно-политические, литературно-художественные, научно-популярные издания. П. В. Волобуев говорил: «Интерес к истории пробудили не мы, профессиональные историки, а наши публицисты, писатели, экономисты» [5, с. 100]. На страницах журналов «Огонёк», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», газет «Аргументы и факты» и других регулярно появлялись материалы на исторические темы, в которых авторы высказывали свои варианты объяснения прошлого. Чем был вызван такой небывалый ранее спрос общества на исторические знания?

Начавшиеся с приходом к власти М. С. Горбачёва перемены у многих современников вызывали ощущения временности. Об этом свидетельствовал и недавний опыт прошлого («оттепель» середины 50-х гг., не ставшая «весной»). Понимая это, инициаторы перестройки сделали ставку на «гласность» и «новое мышление», которые должны были стать гарантом необратимости начавшихся преобразований. Звучал призыв: «Мыслить!», «Думать!», «Рассуждать!». Перестроечная публицистика была пронизана стремлением отказаться от догм, стереотипов, преодолеть инерционность мышления, пассивность каждого отдельного человека. Эта задача связывалась с обретением личностных, индивидуальных качеств, не востребованных в условиях «деформированного» социализма. Рассуждая об «общечеловеческих ценностях», заговорили о раздвоенности сознания советского человека, насилии «социальности» над личностью, рассматривая эти процессы с точки зрения категорий добра и зла, правды и лжи. Присущее эпохе перестройки осознание настоящего как «смысловой кульминации прошлого» [8, с. 201–203], требовало нового взгляда на прошлое. Прежде всего, общество отказывалось воспринимать исторический процесс как что-то обезличенное. Вызревало представление о нём как результате деятель-

ности отдельных личностей, которые могут быть подвергнуты оценке с точки зрения нравственности. Поднималась проблема исторической ответственности и исторической правды. Началась глубокая трансформация исторического сознания общества.

В понимании исторической правды между профессиональными историками и массовым сознанием возникло серьёзное противоречие. Первые связывали восстановление исторической правды с «обновлением социализма на основе его подлинных ценностей». Стремление очиститься от догм и деформаций социализма, принять на себя историческую ответственность за деяния предков сопровождалось признанием «достижений» и «свершений» социализма, советской истории.

Для массового сознания поиск исторической правды и проблема исторической ответственности имели мировоззренческий смысл. Познание исторической правды рассматривалось как неперемное условие формирования нравственного облика советского человека. Прошлое всячески осовременивалось. Историческая правда не должна была отличаться от житейской, удобно проверяемой, легко доказуемой. Научные концепции объяснения прошлого не воспринимались, поскольку с точки зрения обывателя были оторваны от действительности. Массовое сознание отказывалось видеть сложность, многофакторность, противоречивость исторического прошлого. Взгляд на прошлое всё более конкретизировался и детализировался. Каждый автор связывал прошлое с каким-нибудь событием, явлением, исторической личностью, которые для него олицетворяли это прошлое. В результате происходило выхватывание каких-либо фактов из исторического контекста и использование их для практической надобности, обоснования своих взглядов. Г. З. Иоффе в воспоминаниях писал по этому поводу: «... Из почти вековой истории большевизма вырвался сталинский период с его репрессиями, террором и накладывался на все предыдущие и последующие. Целенаправленный поиск всего отрицательного шёл с нарастающей силой.

Картина получалась одноцветная – мрачная и зловещая...» [4, с. 165].

Принцип историзма был явно чужд массовому сознанию. Упорядоченная картина прошлого, созданная в советское время исторической наукой, образованием, идеологией партии, рушилась. Исторические представления становились мозаичными, противоречивыми. Массовое сознание нуждалось в целостной картине прошлого, она была необходима для понимания настоящего и будущего. Но составить из фрагментов прошлого такую картину обывателю было трудно. В ситуации «каждый сам себе историк» человек легко попадал под влияние различных политических идей и понимал прошлое с позиций формировавшихся в те годы политических течений, создававших свои «мифы о прошлом».

Конечно, научная картина исторического прошлого никогда не бывает идентична представлениям массового сознания. Однако именно в годы перестройки произошёл огромный разрыв между историческими интерпретациями учёных-историков и общества. Доверие к научному историческому сообществу терялось, историки стали восприниматься либо как фальсификаторы, либо как учёные, явно отставшие от времени. Былой авторитет исторической науки падал. Высмеивая историков, публицисты даже предложили читателям образ «Федота-Геродота», который раз за разом переписывает прошлое в угоду власти имущим [1, с. 65].

Учёные, в свою очередь, выступали против того, чтобы делать из истории «ужасную мешанину», разрывая прошлое на несовместимые части, определяя явления как «чёрные – белые», «нравственные – безнравственные», «истинные – ложные» [8, с. 228]. Субъективизм восприятия прошлого, отсутствие единых методологических принципов воспринимался профессионалами как угроза объективному познанию прошлого. В общественном же мнении всякая субъективная интерпретация исторических событий оценивалась как проявление «гласности», самостоятельности, независимости мышления. Массовое сознание пропу-

скало прошлое через горнило моральных требований, стремилось к нравственному очищению.

Вклад в переосмысление прошлого массовым сознанием вносила в годы перестройки художественная культура. Лидерство было за литературой. Уже в 1987 г. были опубликованы литературные произведения об эпохе Сталина, принадлежавшие А. Рыбакову, А. Приставкину, В. Дудинцеву, В. Гросману и др. Большой популярностью пользовалась поэзия: О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Цветаева и др. Эти произведения волновали читателя не столько своими художественными достоинствами, сколько своей «правдой о прошлом». Исторические сюжеты находили художественное воплощение в театре. В силу своих жанров произведения художественной культуры, обращаясь к сюжетам прошлого, ставили проблемы добра и зла, правды и лжи, выдвигая на первый план задачу нравственного очищения человека и общества.

Но всё же решающую роль в изменении исторического сознания общества сыграла историческая публицистика. Авторами публикаций на исторические темы были преимущественно профессиональные журналисты, экономисты, философы, среди них были и историки, но численно они не преобладали. Именно публицистика могла быстро реагировать на лихорадочный спрос массового сознания и представлять новую информацию о прошлом актуально, оперативно, понятно, компактно. Правда, чертой этого жанра были ещё и эмоциональность, субъективность, фрагментарность, категоричность суждений и выводов. Привлекательная для массового читателя публицистика была далека от научных принципов, тщательного изучения источников, выверенной методологии и методики исследований. Даже выступавшие в роли публицистов историки вынуждены были действовать в соответствии с правилами этого жанра.

Среди проблематики исторической публицистики 1988–1989 гг. большое место занимала критика «деформированного» при Сталине социализма. Особенно много публикаций было по-

священо политическим репрессиям 1930-х гг., внутрипартийной борьбе в 1920-е гг. и альтернативным вариантам строительства социализма, критике «административно-командной системы». Именно в это время читатели узнали о многих «забытых» лидерах большевистской партии, деятелях культуры, которые перестают быть «врагами народа». Интерес к историческим личностям, в том числе и известным, был реакцией общества на обезличенную концепцию советской историографии.

«Деформации» социализма олицетворялись с фигурой И. В. Сталина, которая приобретала черты кровавого тирана. С его личностью связывались репрессии в Красной армии, причины неудач начального периода Великой Отечественной войны и т. д. Всё чаще в негативном смысле употреблялись термины «сталинизм», «сталинщина». Личность В. И. Ленина на этапе перестроечных реформ, связанных с обновлением социализма, пользовалась популярностью и первоначально не подвергалась критике. Господствовала идея о том, что ленинский вариант строительства социализма позволил бы избежать многих ошибок. Поэтому особенно тщательно изучались и цитировались его последние работы («завещание Ленина»). Однако критика советской истории расширялась и в 1989–1990 гг. дошла до советского строя в целом, в том числе и его основателя – Ленина.

Противопоставление Ленину Сталину стало исчезать. Сталин в массовом перестроечном сознании превращался в продолжателя дела Ленина, такого же кровавого тирана. Большевистские вожди всё больше критиковались с позиций личностных, морально-нравственных. Интерес к Ленину обусловил огромный интерес массового сознания к Революции 1917 г. и Гражданской войне: антибольшевистским силам, гибели царской семьи и т. д. Начинается процесс, который историки Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов назвали «демонизацией революции» [7]. Идеи социализма и весь социалистический опыт подвергался критике. Советское прошлое всё больше противопоставлялось дореволюционному периоду отечественной

истории. В публицистике появляется тема «Россия, которую мы потеряли». Создаётся образ не убогой и отсталой царской России, как это делалось в советской историографии, а сытой, процветающей страны, которая развивалась по пути реформ, прерванному в октябре 1917 г.

Начало подобных интерпретаций отечественной истории разворачивалось в условиях формирования широкой антикоммунистической оппозиции на рубеже 1980–1990-х гг. Углубление критики советского периода приводило к отрицанию социализма как общественной системы. В работе самого М. С. Горбачёва, вышедшей в конце 1989 г., уже говорилось не о «реальном социализме», а лишь о «социалистической идее», что ставило под сомнение социалистический характер построенного в СССР общества. В общественно-политическом движении началось размежевание течений, которые предлагали разные пути реформирования общества и по-разному относились к советскому прошлому. Лидирующее положение приобретало либерально-демократическое направление, которое яростно критиковало советскую историю и выступало с позиций антикоммунизма.

Заявляло о себе и коммунистическое направление (консервативное). Оно выступало против «очернительства» советского прошлого. «Манифестом» этого направления считается статья преподавателя одного из ленинградских вузов Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованная 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия». Автор призвала к необходимости следовать принципам марксистско-ленинской методологии, но главным образом ориентировалась на ценностное восприятие «светлого советского прошлого». Н. Андреева подчеркнула героизм и жертвенность советских людей, строивших социализм и отстоявших его у врага. Она выступила против огульных обвинений Сталина, с именем которого связана эпоха «беспримерного подвига целого поколения советских людей». Призыв Н. Андреевой не смешивать «с грязью наше прошлое и настоящее» был

созвучен настроениям многих советских людей, но в прессе, общественном движении, политических форумах преобладали либералы-антикоммунисты.

Существенным показателем этого процесса стало осуждение и признание юридической несостоятельности пакта Молотова – Риббентропа и секретных протоколов на II съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 г. Этот шаг стал правовым обоснованием выхода прибалтийских республик из состава СССР. На этом же съезде было принято постановление «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года», в котором говорилось о «моральном и политическом осуждении» этого факта советской истории. Даже на уровне политических решений на рубеже 1989–1990-х гг. возобладала оценки негативистского отношения к советской истории. Таким образом, в советском обществе конца 1980-х гг. произошла существенная трансформация исторического сознания. Переоценивая прошлое, общество меняло свои представления о своём настоящем и будущем.

Историческая наука потеряла «инициативу в формировании общественного мировоззрения: с самого начала перестройки эта инициатива перешла к исторической публицистике и литературе, усердно эксплуатировавшим воспитательный потенциал истории» [8, с. 226]. В этом проявлялся кризис советской исторической науки.

Как относились профессиональные историки к исторической публицистике, которая постоянно подчёркивала несостоятельность науки? Историческое сообщество пыталось противостоять тем, кто оспаривал социальные роли науки. Историки считали главным свойством исторической публицистики непрофессионализм, указывая на такие её черты, как «безответственность», «схематизм», «однобокость», желание преподавать «ещё не исследованное само собой разумеющимся», «вульгарная актуализация», сознательную деформацию «общеизвестного материала» «в угоду новой модной концепции» и т. д. [9]. Учёные обвиняли публицистов в игнорировании принципов объ-

ективности, историзма, системности. Историки, привыкшие к монометодологии и моноконцепции в советской историографии, не могли примириться с мыслью о многовариантности суждений о прошлом, они настаивали на решающей роли исторической науки в формировании исторического сознания.

Однако призывы историков не находили откликов в обществе, где всё больше утверждался плюрализм мнений на самые разные проблемы, в том числе и на историческое прошлое. Волна исторического нигилизма грозила оставить общество «не только без белых пятен, но и без прошлого вообще» [9]. Публицистика, опережавшая науку в скорости реагирования на запросы массового сознания, начинает оказывать влияние на профессиональное сообщество историков. Современная исследовательница И. Чечель выделила точки соприкосновения профессионалов и публицистов, прослеживаемые в *ценностных ориентациях* (рассмотрение истории не самой по себе, а в её отношении к человеку, его интересам и потребностям с позиций здравого смысла и нравственности), *системе вопросов к прошлому* (поиск «идеальных моделей» прошлого, придание факту универсального, глобального значения, игнорирование конкретно-исторического смысла явлений), *особенностях дискурсивных практик* (литературность, образность мышления) [9]. Однако определённое сближение истории и публицистики не означало растворения первой в последней, а свидетельствовало о кризисе исторической науки.

Историческая наука должна была адаптироваться к новой обстановке, переосмыслить границы научности, выработать новые теоретико-методологические основы исторических исследований, доказать приоритетность научных концепций осмысления прошлого, словом, ответить на вызов публицистики и общества. Условия для решения этих задач формировались: характер отношений между властью и историками изменился, началось становление научного плюрализма. Это было главным результатом развития исторической науки в годы перестройки.

Библиографический список

1. Ватлин А. Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Вопросы истории. – 2013. – № 2. – С. 59–72.
2. Горбачёв М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. – М.: Политиздат, 1987. – 62 с.
3. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX–XXI века. – Тюмень, 2004. – 208 с.
4. Иоффе Г. З. Финал советской историографии (как мы не написали последнюю «Историю КПСС») // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 151–168.
5. «Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 97–117.
6. Логунов А. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. – М.: РГГУ, 2001. – С. 7–58.
7. Свешников А. В. Историческая наука в 1980-х. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794> (дата обращения : 25.11.2013).
8. Чечель И. Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии. – М.: РГГУ, 2001. – С. 199–234.
9. Чечель И. Профессионалы истории» в эру публицистичности: 1985–1991 гг. URL: <http://gefter.ru/archive/6697> (дата обращения : 15.12.2013).

gefter.ru/archive/6697 (дата обращения : 15.12.2013).

Bibliograficheskiy spisok

1. Vatlin A. Ju. V poiskah «istinnogo socializma»: istoricheskoe soznanie pokolenija perestrojki // Voprosy istorii. – 2013. – № 2. – S. 59–72.
2. Gorbachjov M. S. Oktjabr i perestrojka: revoljucija prodolzhaetsja. – M.: Politizdat, 1987. – 62 s.
3. Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaja nauka Rossii v konce XX–XXI veka. – Tjumen, 2004. – 208 s.
4. Ioffe G. Z. Final sovetskoj istoriografii (kak my ne napisali poslednjuju «Istoriju KPSS») // Otechestvennaja istorija. – 2002. – № 4. – S. 151–168.
5. «Kruglyj stol» sovetskih i amerikanskih istorikov // Voprosy istorii. – 1989. – № 4. – S. 97–117.
6. Logunov A. Otechestvennaja istoriograficheskaja kultura: sovremennoe sostojanie i tendencii transformacii // Obrazy istoriografii. – M.: RGGU, 2001. – S. 7–58.
7. Sveshnikov A. V. Istoricheskaja nauka v 1980-h. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794> (data obrashhenija : 25.11.2013).
8. Chechel I. Istoricheskie predstavlenija sovetskogo obshhestva jepohi perestrojki // Obrazy istoriografii. – M.: RGGU, 2001. – S. 199–234.
9. Chechel I. «Professionaly istorii» v jeru publicistichnosti: 1985–1991 gg. URL: <http://gefter.ru/archive/6697> (data obrashhenija : 15.12.2013).

© Басырова С. Г., 2014